

Александр Зорич

Мы неразделимы

Часть сборника
Ничего святого (сборник)

Александр Зорич

Мы неразделимы

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133866
Ничего святого: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2006
ISBN 5-17-039578-7, 5-9713-3376-3, 5-9762-1144-5*

Аннотация

«Стрельба из лука – одно из искусств, чья прелесть и строгая красота почти недоступны нашему современнику. И здесь некого винить, кроме пресловутого прогресса. Однако тех тысячелетий, когда лук был в почете у воинов и охотников, из истории просто так не вычеркнуть. Я уверен, до сих пор в душе каждого из нас живет способность искренне восхититься метким выстрелом мастера...»

Содержание

От автора	4
Мы неразделимы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

От автора

Стрельба из лука – одно из искусств, чья прелесть и строгая красота почти недоступны нашему современнику. И здесь некого винить, кроме пресловутого прогресса. Однако тех тысячелетий, когда лук был в почете у воинов и охотников, из истории просто так не вычеркнуть. Я уверен, до сих пор в душе каждого из нас живет способность искренне восхититься метким выстрелом мастера.

В рассказе «Мы неразделимы» выстроен треугольник человеческих отношений – и это, пожалуй, чем-то роднит его с повестью «Ничего святого». Но на этот раз нервом сюжета становится не любовь, а красота, точнее – состязание различных воззрений на оную. Главный герой рассказа, молодой и мало смыслящий в жизни офицер по имени Гайс, стремится завести дружбу или, если так позволительно выразиться, две дружбы – с опытным военным инженером по прозвищу Убийца Городов и женщиной – непревзойденным стрелком из лука. Действие разворачивается в военном лагере, погруженном в вынужденное зимнее бездействие. Я надеялся передать особое нервное настроение, присущее всем военным лагерям, офицеры которого вдруг обнаружили, что предоставлены самим себе. И выразить словами чувства, которые рождает в душе человека соприкосновение с чужим совершенством.

Мы неразделимы

Площадка для стрельбы из лука с графлеными лицами мишеней и деревянным помостом для стрелка имела около семидесяти шагов в длину и двадцати в ширину.

Ее, как и Старый Дом, где ранее жил главнокомандующий доблестной армией Желтоколпачников господин Кнугеллин, а теперь обреталась его молодая вдова, госпожа Нимарь, построили за сто двадцать лет до начала этой войны.

За сто лет до осады Орина.

За это время туи, которыми площадка была обсажена со всех сторон, успели превратиться из застенчивых садово-парковых барышень в расхристанных рослых бабищ, нахально растопыривающих буро-зеленые пальцы и блудливо качающих юбками в лад каждому порыву ветра.

Ветра и снега на излете первого зимнего месяца, месяца Эдар, было особенно много.

Однако госпоже Нимари, казалось, все нипочем.

Снегопад рано или поздно уходил, уводя за собой метелицу. И Нимарь, пользуясь властью своего супруга, точнее, призраком его власти (ведь господин Кнугеллин, главнокомандующий армией Желтоколпачников, был уж два месяца как мертв), выгоняла солдат на улицу – утаптывать площадку и расчищать мишени. Учитывая, что осада Орина зашла в тупик и всю зиму герои только и делали, что морально разла-

гались, просяживая друг другу свое худосочное жалованье, командирам было не жаль оказать вдове господина Кнугеллина услугу.

В отличие от солдат и офицеров госпожа Нимарь упражнялась в стрельбе каждый день. В любую погоду. Бывало, даже затемно.

Говорили, что летом, когда жизнь в Аз-Зуме кипела и пополнения в лагерь прибывали каждую неделю, на ее тренировки ходили смотреть целыми полками.

Зрители уважительно кланялись одетой в мужское черноволосой даме, чинно рассаживались под туями, доставали фляги с вином и, изредка перешептываясь, следили за тем, как несутся в цель стрелы с орлиным оперением, выпущенные Нимарью из дебелого грютского лука.

Лук Нимари был увесист, плечист, имел шелковую тетиву, а его прицельная рамка грацией своей повторяла черномagический знак Торжествующей Смерти.

В стрельбе Нимарь была безупречна.

Ходили слухи, будто приходилась она незаконнорожденной дочерью легендарному лучнику Тенеле – он обучал воинским искусствам самого сотинальма, пока не ввязался в придворный заговор. Заговорщики были разоблачены, Тенеле сварили в масле словно какого-нибудь поросенка.

Согласно другой версии, Нимарь получила мастерство в дар от Черного Сокола, самого несговорчивого из демонов воинского дела, в обмен на клятву не разделять свое ложе с

мужчиной. Разумеется, вторая версия пользовалась в лагере неизменной популярностью, поскольку хорошо сопрягалась с нелюбезным, неженским каким-то поведением самой госпожи Нимари – прямой, молчаливой, в правильном белом лице которой было что-то крысиное.

По мере того как Оринская кампания утопала в крови и унынии, зрителей у Нимари становилось все меньше. Ведь и впрямь чужое совершенство надоедает.

Когда в лагерь прибыл Гайс, молодой восемнадцатилетний аристократ из угасающего южного рода, Нимарь тренировалась в священном одиночестве.

Кружил вьюгой первый день второго зимнего месяца, когда Гайс впервые увидел стреляющую Нимарь.

Нахохлившиеся туи кое-как защищали площадку для стрельбы от шквального ветра. Но холодина была, как говорили в лагере, «не детской».

Тем не менее Нимарь упражнялась как будто летом – в кожаных штанах и замшевых сапогах на тонкой подошве, без шапки. Шнуровка тесно прижимала обувь к подъему ноги и икрам молодой женщины, ее маленькие стопы при смене стойки вытанцовывали на помосте петлистые фигуры.

Единственной уступкой морозу со стороны Нимари была странная, плотно облегающая торс конструкция вроде шерстяной куртки, черные вязаные рукава которой с кожаной накладкой-крагой (Гайс помнил, что крага защищает пред-

плечье лучника от удара тетивы, но он ни разу не видел, чтобы тетива и впрямь предплечье Нимари задевала) плавно переходили в... обтекающие руки перчатки, причем переходили таким манером, что получался единый, непонятно как прозывающийся предмет одежды.

Местные женщины с упоением злословили по поводу этого одеяния.

Говорили, что руки Нимари страшно обгорели во время давнего пожара, что она не разоблачается даже дома – самой-де смотреть противно.

Но Гайс, которого научили думать о людях хорошо, в пожар и уродства не верил. В конце концов, для лучника перчатки – все равно что для наездника сапоги. Без них – никуда. Лучшая лучница Левобережья днями не снимает перчаток? Что ж, да он и сам – довольно посредственный, нужно сказать, наездник, – бывало, спал в сапогах!

...Налетел злой ветер, и Гайс, который кутался в отцовскую волчью шубу с молевыми проединами на воротнике, зябко поежился – ему вдруг стало холодно «за Нимарь». «Бедняжка», – подумал он.

Гайс поприветствовал молодую вдову и направился к бревенчатой скамье, кое-как расчищенной от снега.

Все полчаса, что длилась тренировка (Нимарь выпустила не менее двухсот стрел!), он не сводил взгляда с дивной лучницы, каждое движение которой, казалось, было отлито прямиком со своего небесного прототипа.

Вытягивая стрелу за стрелой из приbedренного колчана, госпожа Нимарь стреляла стоя, с колена, с корточек, раз от разу поражая деревянные мишени – развешенные, расставленные на разных высотах – и, случилось, даже расщепляла предыдущую стрелу последующей.

Восторг, милостивые гиазирь!

Глаза Гайса горели.

Нарезая тонкими ломтями ледяной воздух, лучница Нимарь, казалось, пребывала в своем приватном волшебном пространстве, в этаким эластичном, подсвеченном размытым золотым сиянием, коконе. И в этом пространстве не существовало ничего, кроме ее пружинистого тела, ее тяжелого лука с гордо развернутыми плечами и ее стрел, которые ретивыми дюжинами рвались к цели. И каждая встреча ее стрелы с целью делала небо над оставленным богами лагерем Аз-Зум на толику хрустальнее.

Вдова военачальника Кнугеллина не ответила на приветствие Гайса. Но Гайс легко нашел этой невежливости оправдание. «Она меня не видит. Сконцентрировалась. Так нужно».

Когда же он бросился помочь Нимари со стрелами (голова центральной мишени превратилась в фантазмагорического ежа, ежа предстояло облысить), она остановила его коротким рубленным жестом – как будто был он не имперским офицером, но рабом или слугой, недостойным благородного слова.

Уходя, Нимарь также не подумала попрощаться со своим

единственным зрителем. Гайс снова наплел себе нечто утешительное про концентрацию и медитацию.

Сюжет повторялся почти две недели – менялась разве что температура воздуха и прическа госпожи Нимари.

Гайс здоровался, Гайс прощался, Гайс улыбался, когда Нимарь делала особенно красивый выстрел или поражала трудную мишень (правда, извлекать из мишеней стрелы он больше не пытался, ему объяснили – это дурной тон). А Нимарь – ничего. Ни-че-го.

Даже не смотрела в его сторону.

Почти не смотрела.

В конце третьей недели Гайс почувствовал себя вконец униженным. И счел поведение Нимари оскорбительным.

– Ты просто не туда ходишь, малыш, – доверительно сказала, сообщил ему старший офицер Симелет. – Вместо того чтобы следить за этой ведьмой, сходи лучше в поселок, к девочкам.

«У девчат» Гайсу не понравилось. Девушка по имени Ги, с которой ему довелось любиться, была рыхлой, скользкой (товарки натерли ее телеса фенхелевым маслом) и нестерпимо много говорила.

«Даю тебе сразу совет, красавчик: как пойдете воевать, ты особенно не подставляйся. Убьют запросто! У меня тут один художник был, приехал писать покойного господина Кнугеллина. В первый же день напросился с ребятами в дозор. Так его там и убили. Только и оставил о себе памяти, что сумку

с красками. Лучше бы там вещи были носильные».

Но самое ужасное – доброкачественные механические ласки Гайса действительно возбудили его подругу.

Как ни странно, это показалось Гайсу еще более гадким, чем если бы стоны были, как обычно, поддельными.

Другие девицы оказались не лучше.

* * *

Гайс держался целую неделю. А потом снова отправился к Нимари.

День стоял погожий. Блистал самоцветной пылью снег на площадке.

Когда Гайс проходил на «свое» место, Нимарь наконец удостоила его тяжелым серым взглядом. Сердце Гайса заколотилось. Ему вдруг стало отчетливо ясно, словно бы кто-то посторонний вложил ему эту ясность готовой прямо в голову: его отсутствие было замечено, и, не исключено, по нему скучали!

В тот день состоялся их первый с Нимарью разговор. Нимарь как раз доставала лук из старинного, украшенного фигурами борющихся чудищ футляра.

– Зачем вы сюда приходите? – спросила она.

– Просто смотрю, как вы стреляете. Люблю смотреть, как тренируются мастера... Я ведь в этом тоже немного разбираюсь... – соврал Гайс.

– Думаю, что не разбираетесь, – сказала Нимарь, всем своим видом выражая сомнение.

– Откуда вам знать? – Щеки Гайса покраснели.

– Те, кто разбирается, никогда не смотрят на мишени. Когда тетива выбрасывает стрелу, настоящие ценители искусства наслаждаются быстрым движением уходящей к колчану руки лучника. А бывает – тем, как лучник изменяет исподволь линию прицеливания. В конце серии знатоки любят подрагиванием уставшей тетивы. А те, кто разбирается в стрельбе не хуже меня, обычно не сводят глаз с моей левой руки, желая вызнать мою тайну...

– Ну... По-моему, это не догма...

– Это не догма, – согласилась Нимарь, поправляя войлочный колчан, из которого, словно невиданные тропические цветы из вазы, торчали стрелы с окрашенным алой краской оперением – такую яркую стрелу не потеряешь даже на поле битвы, не то что на площадке.

Нимарь вошла на помост и, миг позабыв о Гайсе, замкнулась в своем золотом коконе.

В тот день она истово отрабатывала различные стойки, с особенным тщанием – боковые. И кажется, стреляла с закрытыми глазами (тут, впрочем, Гайс не был уверен).

Складное тело танцующей на помосте лучницы словно бы вибрировало от неведомых высоких энергий, неведь откуда приходивших, неведь куда шедших. И восхищало больше всего ведь то, что Нимарь не страшилась их, но приве-

чала, не разваливалась на части от этой искристой встряски, а, напротив, уверенно парила в огненном море, упираясь текущей через нее и ее лук силой, способной испепелить иной город... Так уж получилось, что слепой дождь этой благодати задел беднягу Гайса своим роковым краем: следя за выверенными движениями сильных бедер Нимари, стрелявшей из полуприседа, Гайс вдруг почувствовал такое неудобосказуемое возбуждение, что сразу после зрелища отправился в поселок к беспутной Ги. Ему нужно было поскорее затушить бушующий в теле высокий пожар. Так иные жрецы после окрыляющих ритуалов тайком налегают на бобы с тушеной свининой...

Гайс сам не знал, как получилось, что вдова господина Кнугеллина стала для него такой желанной. И перестала быть просто мастером, просто «госпожой Нимарь».

Думать об этом Гайсу было и странно, и страшно.

Получалось, что одного жеста Нимари теперь было достаточно, чтобы раздраконить его чуткое нутро до того хныкающего, «на все согласного» состояния, бесценных истечений которого иные содержанки добиваются от своих мужчин годами, пестуя последних самыми несусветными ласками...

Дивно, но каким-то еще более дивным образом Нимарь проведала про эти новые настроения Гайса. И через несколько дней снова с ним заговорила.

– Зачем вы ходите в поселок? Я хочу сказать – к девкам? –

строго спросила она, и ее ясные серые глаза ударили, как два кинжала.

Взгляд этот, вопрос – обескуражили Гайса. Благородные дамы, которых ранее знал Гайс, настолько старательно делали вид, что никаких «девок» не существует в природе, что однажды сами начинали в это верить.

– Плоть слепа... Она требует... – промямлил он, от Нимари виновато отступая.

– В таком случае зачем вы ходите ко мне?

– Это же совсем другое... Это для души... Стрельба из лука – великое искусство...

– Вы говорите, что это великое искусство. А сами даже не знаете, куда тянут тетиву – к груди или к уху... – саркастически заметила Нимарь.

– Не обязательно ведь уметь танцевать, чтобы любоваться танцовщицами!

– Не аргумент. Люди, никогда в своей жизни не танцевавшие, любят танцовщицами только потому, что хотят овладеть ими. Или мысленно овладевают ими, пока те танцуют.

Гайсу стало неловко. Ведь Нимарь была права. По крайней мере, что возразить ей, он не знал.

– Но мне очень нравится смотреть на вас!

– Вот именно. Но когда вы смотрите на меня, вы думаете вовсе не о стрельбе из лука...

– Это верно... С недавних пор так и есть... Только что

теперь?

Ответ на этот риторический вопрос у Нимари был готов.

– Сколько вы платите Ги за одну ночь? – деловито спросила она.

– Четыре авра.

– Значит, за наблюдение каждой моей тренировки вы будете платить столько же.

– Но зачем вам это? Разве у вас нет денег?

Нимарь отвела взгляд и нахмурила брови, словно бы решая, стоит ли собеседник ее дальнейших объяснений.

– Дело не в деньгах, – сказала она наконец. – У меня другая цель. Назначая плату, я надеюсь, что, может быть, когда-нибудь вам станет противно смотреть на меня как на продажную женщину и вы начнете смотреть на то, как я стреляю? А может, у вас просто кончатся деньги, и вы прекратите оскорблять мое искусство своей похотью. Так что – идет?

– Если вы настаиваете... – Гайсу было очень горько, стыдно. «И как она прознала?»

– Только пообещайте, что будете держаться своего слова. И не станете подглядывать за мной.

– Да, обещаю...

После этого разговора Гайс ходил к Нимари еще три недели. Как и было условлено, он клал в мешочек, который Нимарь оставляла в сугробе у входа на площадку, четыре авра и ковылял на свое место. Более они не разговаривали.

Стрелы исправно клевали мишени, свертывался воронкой

вокруг лучницы золотой круговорот, но похоть не уходила.

Как и предрекала Нимарь, вскоре деньги у Гайса закончились.

Он решительно залез в долги, но это ненадолго отсрочило развязку.

Настал день, когда последние четыре авра, вырученные за серебряную цепочку (раньше на ней красовался медальон), плюхнулись в бархатную пасть привратной мошны. Ночью Гайс не сомкнул глаз – даром что весь день скрипел снегом на рекогносцировке вражеских позиций и невероятно умаялся.

«Что я теперь буду делать?» – всхлипывая, спрашивал он у постельных клопов. И калачом сворачивал свое большое несчастное тело.

Эта стрельба стала для него чем-то вроде вина для пьяницы. А то и хуже.

* * *

В один из этих страшных дней в лагерь прибыл невысокий, желчный, лысый человек сорока с лишним лет, прозывавшийся Убийцей Городов.

У него было аютское имя – Нерг Све Дулс. Но звали его попросту Нергом.

Он был военным инженером, и далекая Главная Квартира устами сопроводительного письма возлагала на него «значи-

тельные надежды».

Предполагалось, что под патронажем Нерга будут собраны новейшие машины. Неуязвимые осадные башни на громадных понтонах подойдут к внешнему обводу вражеских укреплений, и старательные землеройные колеса брешируют валы. Вместе с ними на сотнях барок в атаку пойдет пехота.

Когда внешний обвод падет и саперы наведут мосты, в ход будут пущены камнеметы, мощные дрыганья и ляганья которых положат конец интриганству владык ненавистного Ори-на посредством сокрушения капитальных городских стен. Начало новой кампании было назначено на Эсон, второй весенний месяц.

Разобранные узловые механизмы машин прибыли вослед Нергу. Закипела работа.

Гайс недоумевал, почему Нерг, человек образованный, родовитый, занятой и вдобавок немолодой, избрал себе в друзья именно его.

Гадал, что за соображения заставляли Убийцу Городов предпочитать его малахольное общество обществу ну хотя бы старшего офицера Симелета. Объяснения Нерга – «вы мне просто симпатичны, вот и все» – его как бы не совсем убеждали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.